

Ю.А. Мошков*

**Экономические аспекты становления колхозной системы:
информационный потенциал
годовых отчетов колхозов 1930-х годов**

Выходящие в последние годы серийные публикации по истории советского крестьянства и коллективизации сельского хозяйства открывают целые пласты ранее малоизвестных событий и процессов, происходивших на селе в 1930-е гг.¹ Чтобы последовательно представить всю необъятную сложность и противоречивость процесса коллективизации, выявить внутреннее состояние, людские и хозяйственные ресурсы колхозов, понять реальный экономический результат коллективизации к концу 1930-х гг., необходимо богатейший потенциал документальных комплексов дополнить такими обобщающими материалами, как годовые отчеты колхозов. Годовые отчеты — уникальный и бесценный по информативности массовый исторический источник, содержащий огромный объем статистической информации о состоянии колхозного хозяйства и материальном положении его тружеников. Эти материалы до сих пор еще не стали предметом специального изучения историков, прежде всего, по причине методической сложности и трудоемкости работы с такими документами.

Задачей данной статьи является оценка информационного потенциала вышеназванного комплекса документов и степени достоверности содержащихся в нем статистических показателей, характеризующих хозяйственную деятельность колхозов и материальное положение колхозников.

---

* *Мошков Юрий Александрович* — кандидат исторических наук (Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова).

¹ См., напр.: Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание 1927–1939 гг.: Документы и материалы: В 5 тт. М., 1999–2004.

За годы Советской власти в архивах накопились миллионы годовых отчетов отдельных колхозов, сотни или десятки тысяч сводных годовых отчетов по районам, областям и республикам. Эти источники содержат конкретные численные показатели реального состояния сельскохозяйственной отрасли, что позволяет оценить вклад тружеников села в экономику страны. Обработка данных с помощью статистических методов позволяет решать самые разнообразные задачи истории колхозов от анализа внутренних хозяйственных связей и экономической деятельности на разных уровнях до типологии колхозного сектора отдельных регионов. Поскольку колхозам принадлежала основная часть средств производства, и в колхозной системе работала подавляющая часть сельскохозяйственного населения, отчетность колхозов позволяет делать заключения о состоянии сельского хозяйства страны в целом.

Годовые отчеты колхозов, совхозов, МТС принадлежат к типу массовых статистических источников, в своей основе хорошо структурированных. Поэтому для анализа хозяйственной деятельности колхозной системы на разных уровнях сводки и по различным регионам возможно свободно применять широкий арсенал математических методов, используемый ныне исторической наукой. К сожалению, такая работа, начатая было в прошлом, заглохла и перспектив ее возобновления не обнаруживается.

В сводных годовых отчетах, составляемых НКЗ СССР, исследователь находит цифровые показатели в систематизированном виде по административным территориям и в целом по СССР, характеризующие все важнейшие стороны деятельности колхозной системы, начиная с демографических данных, кадрового состава и заканчивая натуральными производственными и финансовыми показателями, денежными доходами колхозов и самих колхозников. Большинство таких сведений в 1930-е гг. чаще всего оставались закрытыми для публикации или давались разрозненно, в строгой дозировке, в виде отдельных лучших примеров или кратких официальных сборников. В развернутых таблицах помещались данные о земельном массиве колхозов, состоянии животноводства и исполнении плановых заданий по этой отрасли. Специальные таблицы содержали показатели выполнения посевных планов и фактических сборов полевых культур, стоимости валового сбора по государственным заготовительным ценам, а также распределение урожая по статьям: сдача и продажа государству, натуроплата МТС, семенной фонд, оплата труда колхозников и т.д.

Годовой отчет отдельного колхоза, например, за 1939 г. представляет собой типографскую форму в виде 20-страничной тетради, которая содержит 32 таблицы с более чем 600-ми показателями. Он составлялся по данным первичной, оперативной и текущей отчетности, на протяжении 1930-х гг. внедрявшейся в колхозную систему. Поскольку качество и достоверность колхозных отчетов зависели от состояния внутренней органи-

зации колхоза, выполнения правил текущего учета и квалификации счетного персонала, они подвергались логической и документальной проверке.

Таблицы отражают численность людского состава колхоза, количество производственных бригад, выработку трудодней в текущем году, оплату рабочей силы, привлеченной со стороны. В конце 1930-х гг. специально выделялась таблица «Участие членов колхоза и их семей в общественном хозяйстве», где указывалось число колхозников, выработавших то или иное количество трудодней. Как известно, за низкую выработку трудодней в конце 1930-х гг. полагались строгие санкции.

Отдельные таблицы содержали цифровые данные о сортовых посевах и посевах яровизированными семенами. Таблица VIII содержала показатели выполнения плана посева и фактических сборов полевых культур в общественном хозяйстве колхоза (для зерновых — «включая озадки»), стоимость валового сбора по государственным заготовительным ценам, а также распределение урожая 1939 г. по статьям: сдача и продажа государству, натуроплата МТС, семенной фонд и т.д. В последних двух колонках помещены весовые объемы полеводческой продукции, предназначенной для распределения по трудодням колхозникам и трактористам, а также фактически выданной на момент составления отчета (в данном случае, на январь 1940 г.)

Следующие таблицы включали данные о едином земельном массиве колхоза, выполнении государственного плана развития животноводства, покупке, сдаче в заготовку и продаже скота, распределении продуктов и доходах колхоза от скотоводства и выполнении плана мясопоставок.

Группа обширных таблиц отражает финансовую деятельность колхоза, в том числе доходы колхоза от продажи продуктов растениеводства, животноводства и подсобных хозяйств (таблица XVII), расходы на капиталовложения, культурные нужды, расходы по отдельным отраслям хозяйства и выплаты по трудодням членам колхоза. Завершает годовой отчет таблица XXIX, содержащая денежный баланс хозяйства на 1 января 1940 г.

Колхозные отчеты путем суммирования показателей отдельных хозяйств сводились в районные отчеты, районные — обобщались в масштабах областей, затем в республиках и, наконец, сводились по колхозам в союзном Наркомземе в масштабе всего СССР. Формы и содержание таблиц за различные годы не были стабильными и претерпевали изменения, которые вызывались текущей хозяйственно-политической конъюнктурой.

Сводные годовые отчеты за 1934–1936 гг., хранящиеся в РГАЭ в фонде Наркомзема СССР (Ф. 7486), представлены в машинописном виде. Отчет за 1937 г. представляет собой бланки, заполненные от руки, — это, несомненно, следствие разгрома земельных учреждений, происшедшего с осени этого года. Отчеты за 1938 и 1939 гг. представлены в этом фонде как в машинописном, так и в типографском виде.

Изданный НКЗ в 1940 г. типографским способом сводный отчет «Колхозы в 1938 году (по годовым отчетам)» состоял из 4-х частей — «Растениеводство», «Животноводство», «Денежные доходы», «Баланс и кадры» и включал 25 разделов — от «Общих сведений» до «Основных кадров колхоза» по всем республикам, краям и областям и в целом по СССР с 229 таблицами. Все такие отчеты разных уровней, начиная от отдельных колхозов, полагалось хранить вечно, и несмотря на утраты военного времени и иные потери, их сохранность на нынешний день можно считать удовлетворительной.

В сводных годовых отчетах по СССР кроме натуральных, относительных и стоимостных показателей были помещены рассчитанные в НКЗ группировочные таблицы (например, «Средняя выработка трудодней в 1938 г. на 1 колхоз, 1 наливный двор, 1 трудоспособного, на 1 га посева», «Группировка колхозов по размеру выдачи на 1 трудодень зерновых и бобовых колхозникам (без трактористов)», группировки колхозов по сбору с гектара отдельных культур на уборочную площадь, «Группировка колхозов по числу коров на 1 января 1939 г.», «Группировка колхозов по размеру денежного дохода на 1 колхоз», «Группировка колхозов по выдаче денег на 1 трудодень колхозникам (без трактористов)» и т.п.

Приведено количество полеводческой продукции, предназначенной для распределения по трудодням колхозникам и трактористам. Еще одна серия таблиц детально отражала финансовую деятельность колхозов, расходы на общие капиталовложения, на отрасли хозяйства и выплаты по трудодням. К сожалению, лишь отдельные показатели (посевы, скот) относились к личному подсобному хозяйству членов колхозов, приносившего к концу 30-х гг. добрую половину их общего дохода. Завершал сводный годовой отчет денежный баланс колхозов. Давались также объемы продукции, проданные на колхозном рынке по вольным рыночным ценам, в несколько раз уступавшие обязательным поставкам, и денежные доходы от них. Эти цифры позволяют получить представление о финансовых потерях коллективов от низких заготовительных цен, по которым оплачивалась государством подавляющая часть товарной продукции.

Последняя таблица дает сведения о составе колхозных кадров и стаже работы от председателей до бригадиров, а также о числе работников других занятий.

Отчет сверялся в райземотделе или в дирекции МТС, которые обязаны были давать свои замечания и указывать на недостатки в работе хозяйства. Однако, отведенные для этой цели полторы страницы во всех просмотренных нами тетрадях оставались пустыми. Для исследователя это невосполнимая потеря, так как здесь должно было помещаться заключение местных органов о хозяйственной деятельности колхоза за истекший год.

Использование и сравнительный анализ данных годовых отчетов за указанные годы весьма осложняется непрерывным изменением административ-

ного деления страны, разукрупнением прежних территориальных единиц и образованием новых республик, краев и областей. Если в отчете за 1934 г. сведения давались по 53 территориальным единицам, распределенным по пяти климатическим зонам, то в 1937 г. их число достигло 97, а в 1939 г. насчитывалось 114 национально-территориальных образований, подчиненных десяти главным управлениям Наркомата земледелия СССР. Это заставляло сотрудников сектора разработки годовых отчетов колхозов, входившего в состав учетно-статистического отдела НКЗ СССР, в сравнительных таблицах производить частые перерасчеты прежних данных на новую территорию. Как отмечено выше, лишь отдельными показателями отражено состояние личного приусадебного хозяйства членов колхоза, что, безусловно, ограничивает представление об экономике всего колхоза. Статистическое богатство годовых отчетов крайне обедняется отсутствием аналитических приложений на всех уровнях сводки статистического материала, включая те годовые отчеты, из которых извлечены приводимые таблицы — приложений, составленных специалистами-современниками, которые могли бы для историка-аграрника сделаться незаменимым подспорьем для исследования деревенских реалий периода коллективизации и кануна ВОВ. Возможно, их нет по той причине, что даже сама голая статистика, а тем более такой материал мог стать не просто фактом служебного экономического анализа, но и обвинительным заключением на очередном судебном процессе тех времен.

* * *

Вопрос о достоверности сведений годовых отчетов всех уровней пока остается открытым, так как ни в специальной, ни в исторической литературе он даже не поставлен. В материалах Наркомзема, в его статистическо-учетных подразделениях соответствующих методических материалов также до сих пор не обнаружено. Нам не удалось найти также внутриведомственные положения или инструкции с указаниями о способах дополнительного расчета или корректировки получаемых от регионов статистических показателей. Отсутствуют также материалы в сельскохозяйственных журналах на указанную тему. Вполне реально предположить, что высшие сотрудники НКЗ неохотно высказывались публично и, тем более, в печати относительно профессиональных принципов и методов своей внутренней статистической практики, памятуя о том, что в тогдашних атмосфере подозрительности и обвинительных настроений против статистических служб страны, любой прием статистической методики мог быть представлен как намеренное враждебное искажение реальных достижений колхозной экономики¹. Неоднократная пе-

---

¹ Вспомним репрессии против начальника ЦУНХУ И.А. Краваля и других демографов после проведения переписи населения 1937 г., против В.В. Осинского и Н.П. Брюханова после ликвидации Госкомиссии по урожайности и т.п.

редача учетно-статистических функций в области сельского хозяйства и отдельно зерновых культур и других показателей от ЦУНХУ Госплана к Наркомзему, Наркомсовхозов, ЦГК по урожайности и обратно означала высочайшее недовольство результативностью этой работы. Поэтому сельскохозяйственная статистика (как, впрочем, и вся остальная) находилась под бдительным наблюдением и испытывала устойчивые тенденции к завышению результатов производства аграрной продукции и общих успехов колхозов и совхозов. Но в интересах практической увязки отраслевых материальных и прочих ресурсов в масштабе всего народного хозяйства должна была существовать другая статистика, для внутреннего употребления, чаще всего закрытая от общественности. Сводные годовые отчеты колхозов относились именно к такому типу документации.

В этой ситуации годовые колхозные отчеты, составлявшиеся в течение ряда лет в НКЗ по сравнимой схеме и методике, представляют для исследователя несомненную ценность как систематический и стабильный источник. При всех своих недостатках они были в меньшей степени подвержены пагубному влиянию субъективизма на различных уровнях сводки материала и могут считаться наиболее достоверными из всего статистического ряда, относящегося к сельскому хозяйству. К тому же они составлялись для служебного пользования, т.е. носили закрытый характер и были доступны сравнительно узкому кругу лиц в партийно-государственной иерархии. В документах различных ведомств того времени (Госплан СССР, ЦУНХУ, НКВД и др.) мы находим ссылки на данные сводных колхозных отчетов, положенных в основу собственных выводов.

Вполне понятно, что не все показатели годовых отчетов на первичном и на сводном уровнях обладают одинаковой достоверностью. Во многом их истинность зависела от самих статистических приемов и всей системы сельскохозяйственного учета. Много нареканий было на состояние учета земельных и посевных площадей в связи с незавершенностью кампании по закреплению земли за колхозами и внутриколхозным землеустройством; с целью установления более точной статистики животноводства, для которой были естественными сезонные колебания численности животных, в 1935 и 1937 гг. проводились всесоюзные переписи скота и другие обследования.

* * *

Самой острой проблемой для того времени был подъем урожайности и валовых сборов зерновых культур, определявших общий уровень сельского хозяйства. Как известно, урожайность является интегральным, генерализирующим показателем эффективности сельскохозяйственного производства. Она объединяет ведущие факторы не только состояния и развития всей отрасли, зависит не только от природных свойств определенной территории,

но и от уровня развития экономики данного общества в целом, состояния всей системы общественных отношений.

Одной из решающих проблем подъема урожайности оставалась агротехника зерновых посевов, вызванная отсутствием разработанной концепции для разных культур и регионов, недостаточной механизацией, что срывало планы подъема зяби, культивации и обработки паров. Во II пятилетке минеральные удобрения шли целиком под технические культуры, а под зерновые, кроме фосфоритной муки, ничего не вносилось. С падением скотоводства навозное удобрение уменьшалось, а что давал личный скот, оставалось на усадебном участке. Даже запланированное на III пятилетку поступление минеральных удобрений позволяло в 1942 г. удобрить азотом всего 1,5% зерновых посевов в колхозах, суперфосфатом — всего 5,5% и калием — 4,7%¹.

Тем не менее, есть основания полагать, что в первичных колхозных отчетах фиксировались близкие к реальным величины посевных площадей под полевыми культурами; как они препарировались на следующих ступенях учетной лестницы — прямых сведений нет².

Последствия сплошной коллективизации и жесткой заготовительной политики государства оставляли урожайность зерновых культур на низком уровне 1920-х гг. Несмотря на многочисленные административно-хозяйственные меры, направленные на подъем сельскохозяйственного производства, его ведущая зерновая отрасль пребывала в хроническом застое. В изучаемые годы Советской власти не удалось найти достаточные средства и возможности, чтобы при помощи технических и агрономических средств ослабить неблагоприятное влияние природно-климатических условий, найти достаточные материальные и другие стимулы для высокопроизводительного труда в сфере общественного хозяйства

Не доверяя полностью местным органам, высшая государственная власть пыталась поставить сельское хозяйство под тотальный контроль и стремилась буквально до зерна учесть весь сбор хлебов, пресечь фактические и мнимые потери и утечку хлеба. С 1933 г. для учета урожая на всех стадиях уборки создавались специальные комиссии и посты Госкомиссии по урожайности, ей подчинялись все земельные и заготовительные учреждения, вся сельская администрация, МТС. В 1937 г. она была ликвидирована, и ее функции вернули в ЦУНХУ и Наркомзем. Начиная с 1933 г., в докладах Сталина и официальных публикациях об урожаях и валовых сборах публиковались данные о так называемой «биологической» или урожайности «на корню», включавшей не только фактический сбор хлебов, но и всевозмож-

---

¹ Российский государственный архив экономики (далее: РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 1. Д. 2428. Л. 130.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 983. Л. 1–2.

ные потери и безучетный расход зерна. К тому же к собственно зерновым хлебам с этого времени стали добавляться и бобовые, составлявшие около 3% всего сбора. Это позволяло партийному руководству рапортовать об успешном выполнении хозяйственных планов в области сельского хозяйства. Но в годовых отчетах как самих колхозов и совхозов, которым приходилось иметь дело и делить по расходным статьям не виртуальные, а реальные объемы хлеба, так и затем в сводных отчетах разного уровня фиксировался «амбарный» или «оприходованный», то есть действительный сбор зерновых.

Таблица 1. Урожайность зерновых в колхозах СССР с 1 га

Год	На корню	Амбарная
1934	8,5	6,1
1935	8,7	7,3
1936	7,6	5,4
1937	11,5	9,3
1938	9,3	7,1

Источник. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 3. Д. 4561. Л. 265–270; Д. 4597. Л. 66–67; Д. 4707. Л. 94–96, 123–124; Д. 5001. Л. 131–132; Д. 3529. Л. 72; Д. 4000. Л. 18; Д. 4988. Л. 24, 27–28.

ЦУНХУ Госплана весь урожай с гектара для 1938 г. в колхозах страны установил в 9,2 ц и для 1939 г. — в 10,0 ц. В самих же колхозах, которые должны были оперировать реальным объемом зерна, полученным хозяйством, действительный намолот (точнее — амбарный урожай) составил по годовым отчетам в 1939 г. лишь 7,3 ц. Разница в 2,7 ц с гектара приходилась на недоучет зерна — 0,5 ц, безучетное расходование — 0,3 ц, большие потери при уборке — 1,9 ц¹. Неудивительно, что производя по заданию Н.С. Хрущева в конце 1950-х гг. расчет реальных валовых сборов для периода 1930-х гг., ЦСУ СССР практически взяло за основу данные из сводных годовых отчетов колхозов за эти годы, имея в виду, что колхозные посевы зерновых приближались в конце 1930-х к 90% всех посевных площадей страны, сбор хлеба у колхозов был решающей частью общего урожая. К тому же качественные показатели совхозов, подсобных хозяйств промышленных предприятий и единоличников практически не отличались от колхозных.

* * *

Другим характерным признаком сравнительно высокой достоверности колхозных годовых отчетов могут служить данные об оплате труда колхозников в общественном хозяйстве: выдача зерна, другой натурой, а также денег на трудодень в расчете на работающего, на едока, на двор. Важно заме-

¹ Там же. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 39. Л. 21–27; Ф. 7486. Оп. 3. Д. 3529. Л. 55–56; Д. 4000. Л. 87–89.

тять, что таблицы с такими показателями были обязательным элементом сводных годовых отчетов НКЗ. При крайней ограниченности статистических публикаций на этот счет в указанные годы, заменяемых зачастую сообщениями о доходах выдающихся механизаторов и свекловодов, сведения годовых отчетов предстают как весьма ценный, точнее, незаменимый материал для анализа экономического положения колхозника и его семьи и ответа на коренные вопросы колхозной жизни, в первую очередь на проблему материального стимулирования членов колхозов.

Из сводных годовых отчетов мы узнаем, что в неурожайном 1936 г. по трудодням выдавали зерно до 1 кг 48, 36% всех колхозов (112 293 хозяйств), от 1,1 до 2 кг — 25,54% колхозов (58 636 хозяйств); денег не выдавали 11,43% колхозов, выдавали до 1 рубля — 75,73% колхозов, в основном на территории РСФСР¹.

По итогам года в среднем в колхозах страны получалось 1,6 кг зерновых на трудодень. Это значило, что в большинстве колхозов людям не хватало хлеба на пропитание по самой низкой норме. Почти 70% колхозов выдавали денег не более одного рубля, а свыше 18 000 колхозов не давали ни копейки. На одного работавшего колхозника в РСФСР приходился 241 руб. за весь год². И в последующие годы выдача хлеба по-прежнему оставалась низкой. В 1937 г. средняя натуральная оплата трудодня по стране достигла 3,9 кг; но за 1938 г. в среднем она составила лишь 2,2 кг. До 1 кг на трудодень получили труженики 39% колхозов; от 1,1 до 2 кг пришлось на долю 29,6% всех колхозов страны. За 1936 г. на один наличный двор в колхозах СССР приходилось в среднем 6,3 ц зерна, на одного работавшего — 2,8 ц; в следующем удачном 1937 г. — соответственно, 17,3 и 7,7 ц; в 1938 г. — 9,6 и 4,2 ц; в 1939 г. — 8,2 ц и 4,2 ц хлеба. Это означало, что при учете прочих расходов на пропитание одного члена семьи в конце 1930-х гг. в день приходилось не более 0,5 кг зерна. Если картофель по трудодням выдавался примерно в половине колхозов, то молоко и мясо получали от общественного хозяйства менее 10% коллективов³.

Несмотря на постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК от 19 апреля 1938 г. «О неправильном распределении доходов в колхозах», обратившем внимание местных руководителей на крайне низкие денежные выплаты колхозникам по трудодням или полное отсутствие таковых во многих регионах страны, ни в этом, ни в следующем году выплаты по трудодням не стали больше. В 1938 и 1939 гг. денежный доход на колхозный двор составлял в среднем всего 480 и 479 руб., соответственно, вследствие низкой оплаты трудодня: всего 1,09 и 1,07 руб. В колхозах РСФСР доход на двор

---

¹ Там же. Ф. 7486. Оп. 3. Д. 4596. Л. 89–92.

² Там же. Д. 3529. Л. 55–56; Д. 4000. Л. 87–89.

³ Там же. Д. 4707. Л. 109–110; Д. 3529. Л. 54; Д. 4000. Л. 23об–24об.

был еще ниже — 325 и 319 руб., а на трудодень приходилось 0,71 и 0,69 руб. Выше были суммы, полученные колхозниками Востока и Северного Кавказа (619 и 941 руб.), но самые высокие денежные выплаты были в средней Азии за счет хлопка — 1 789 и 1 677 руб. Меньше всего получали денег колхозники центральных нечерноземных областей — 231 и 223 руб., или 0,53 и 0,51 руб. на трудодень. Немало колхозов оставались должны своим членам натурой и деньгами.

Трудно предположить, что эти данные приукрашены, скорее, это была жестокая правда, отражающая реальное положение в колхозах того времени¹.

Потребительское значение наличия в подсобном хозяйстве колхозного двора коровы для времени 1930-х гг. не требует объяснения. Доля колхозных дворов, не имевших никакого скота в личном хозяйстве, в 1934 г. была просто невероятной: от 56,2 % в Ленинградской области до 93,2% в Куйбышевском крае. По данным годовых отчетов, на 1 января 1935 г. у 4,9 млн колхозных дворов коров и телок не было. В СССР доля колхозных дворов без коров и телок колебалась следующим образом: 1935 г. — 22%; 1936 г. — 13,6%; 1937 г. — 16,2%².

В 1938 г. не имели коров и телок 5,9 млн колхозных хозяйств. Руководство ЦУНХУ объясняло такое положение тем, что часть таких дворов потеряла хозяйственную связь с колхозом, другая лишь недавно вступила в колхоз, а более всего было колхозников, которые вообще не желали завести коров (одиночки, престарелые, владельцы дойных коз). Программа передачи телок бескоровным колхозникам была выполнена лишь частично.

Положение с личным скотом у колхозников и впредь не улучшалось. По годовому отчету на 1 января 1940 г. (под влиянием, конечно, более жестких налогов 1938–1940 гг. на приусадебные дворы), без всякого скота оказалось 11,4% колхозных дворов, 22,6% без крупного рогатого скота и 34,8% дворов без коров. Наибольшая доля бескоровных падала на Центрально-Нечерноземную зону — 47%, наименьшая — на колхозников Восточной Сибири — 18,8%.

Годовые отчеты позволяют в некоторой части дать ответ на слабо освещенный в исследовательской литературе вопрос о значении рыночной торговли в хозяйственной деятельности колхозов. В реальном обороте натуральной продукции ее доля была невысока, так как основная часть отчуждаемой природы, не только чисто товарной, но и необходимой, отбиралась государством по назначенным сверху низким ценам, безусловно ниже себестоимости. Связь общественных хозяйств с рынком (без учета продаж самих колхозников) была ограниченной, расширяясь лишь в части пригородных зон. Но значение рыночной торговли самих колхозов оказывалось

---

¹ Там же. Д. 4000. Л. 87об–89об.

² Там же. Д. 4994. Л. 85–87.

весьма не одинаковым для колхозов различных регионов, хотя здесь сложно установить определенную закономерность. Если в среднем по стране доход от рыночной торговли самих колхозов составлял 28,8% по отношению ко всей выручке, то в 27 краях, областях и автономных республиках он превышал 50%. Правда, сами суммы доходов от рынка заметно расходились: от 127 тыс. руб. на один колхоз в Днепропетровской области и 96,8 тыс. руб. в Сталинской области Украины до 10,8 тыс. в Марийской АССР и 8,4 тыс. в Карело-Финской АССР¹. Чтобы установить, были ли эти доходы связаны с влиянием погоды или выражали устойчивую особенность региона — нужен дополнительный детальный анализ местных условий и требований власти. В то же время, по данным годовых отчетов колхозов-миллионеров, их доходы от рыночных продаж могли в несколько раз превышать суммы, полученные от обязательных поставок государству и обуславливали их первенство в финансовой части.

Сказанное означает, что, как правило, рыночная торговля колхозов по объему во много раз уступала объемам сдачи продукции по государственным заготовительным ценам, но зато нередко выручка от нее по причине высоких цен на рынке превосходила денежный приход от обязательных поставок. Такие данные дают вполне достоверный материал о том, какие доходы имели бы колхозы и колхозники, будь у них возможность продавать товарную часть выращенного хлеба, мяса и молока даже не по рыночным, но хотя бы по более обоснованным экономически конвенционным ценам².

Годовые отчеты показывают, что в течение 1930-х гг. доходы подавляющей массы колхозников от общественного хозяйства не увеличивались, испытывая колебания вокруг некоего минимума, зависящего в сильнейшей мере от погодных условий, недостаточного для пропитания семьи и содержания минимального числа домашней скотины, для товарного выхода на колхозный рынок, не говоря уж о приобретении промышленных товаров, одежды, для строительства, благоустройства и ремонта жилища.

Как явствует из сводных годовых отчетов, уровень сельскохозяйственного производства в колхозах, испытывая естественные климатические колебания, в общем не обнаруживал в течение 1930-х гг. подъема и не показывал заметной тенденции к этому. Основные производственные результаты оставались в состоянии застоя, определяя общее состояние сельского хозяйства страны.

---

¹ Там же. Д. 3997. Л. 125–126.

² Так, пригородный колхоз «Вольный Бурлак» Одесской области в 1939 г. сдал государству в счет плана мясopоставок одну голову крупного рогатого скота и получил за нее 48 руб. 78 коп. За две головы, проданных госзаготовителям и кооперации — 255 руб. 40 коп.; за две головы, проданных на рынке — 5 066 руб. (Ф. 7486. Оп. 3. Д. 5437. Л. 204).